

Чаша
Соломона

Елена Минькина

Чаша Соломона.

Непреодолимое
притяжение

Елена Викторовна Минькина
Чаша Соломона.
Непреодолимое притяжение
Серия «Литературное приложение
к женским журналам»
Серия «Чаша Соломона»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45873853

Чаша Соломона. Непреодолимое притяжение: Бауэр Медиа; Москва;

2019

ISBN 978-5-6042887-1-9

Аннотация

Пережив тяжелую потерю, Ирина в отчаянии задумывается об уходе из жизни, но у судьбы другие планы. В момент горя молодой женщине открывается тайна о ее истинном земном предназначении. Она должна найти и уничтожить чашу Соломона, которая представляет серьезную опасность для человечества.

Отныне вся жизнь Ирины строится вокруг ее миссии. В поисках чаши Ирина должна отправиться в Таиланд, а затем в Индию. Ее поддерживают влиятельные лица, заинтересованные

в уничтожении чаши. Молодая женщина не осознает, насколько сложна ее задача и как опасен враг.

Вскоре Ирине предстоит встретить настоящую любовь, но с самого первого дня влюбленным приходится бороться за жизнь. Их пытаются убить, а затем берут в плен. Оказавшись в плену на затерянном острове, молодые люди узнают о том, чьим интересам служит чаша Соломона и в чьих руках сосредоточена основная власть на Земле.

Содержание

1. Между жизнью и смертью	6
2. Прощание	18
3. Шабано	32
4. Обряд	38
5. Ожидание	48
6. Спасение	55
7. Новая жизнь	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Елена Минькина

Чаша Соломона.

Непреодолимое притяжение

© Минькина Е. В., 2019

© ООО «Бауэр Медиа», 2019

1. Между жизнью и смертью

Я посмотрела вниз и увидела свое тело, лежащее в гамаке. Мое сознание (или это была моя душа?) наблюдало за происходящим со стороны. Сколько времени прошло с тех пор, как я вышла из тела, я сказать не могла. Меня окружали дорогие мне люди, на их лицах читалась скорбь. Вот Мария. Ее руки сложены в молитвенном жесте, каждая мышца лица напряжена, глаза опущены, губы быстро что-то шепчут. Мария – экстрасенс, медиум. Сейчас все ее силы направлены на то, чтобы вернуть меня к жизни.

Эта немолодая женщина с прожигающим насквозь взглядом угольно-черных глаз за короткое время стала мне по-настоящему близка. Мария – единственный человек, с кем я могла поговорить на родном языке в этих джунглях. Если ей верить, в джунгли Амазонии она попала, когда шла по брянскому лесу и случайно набрела на пространственную калитку, пройдя через которую, в один миг оказалась на другом конце света. Кто бы ни услышал это, сказал бы, что старуха безумна. Впрочем, мне было все равно. Я доверяла этой женщине. Она принимала мои роды здесь, в джунглях. Какая разница, как она попала сюда, ведь и я сама нахожусь сейчас здесь, за тысячи километров от того места, где родилась и выросла, благодаря невероятному стечению обстоятельств. Если бы я рассказала кому-нибудь историю своей

жизни, мне никто не поверил бы, люди посчитали бы меня сумасшедшей.

Я перевела взгляд на Джеймса. Он держал на руках нашу новорожденную дочь Луизу. По его щекам катились слезы. Всегда такой решительный и стойкий, человек с железным самообладанием, на этот раз он не мог сдерживать своих чувств. Неужели он и правда настолько любит меня?.. Зачем я задаюсь этим вопросом сейчас? Неужели я не убедилась в этом раньше? Неужели он не доказал мне столько раз свою любовь?.. Мне вдруг тоже захотелось заплакать, разрыдаться, сердце разрывалось от нежности к Джеймсу, от огромной благодарности за его любовь, которая стала для меня божественным даром. Захотелось немедленно обнять его и утешить, но я не могла этого сделать. Мое неподвижно лежащее тело не подчинялось моим желаниям. Я хочу к нему! Почему нас разлучают? Я не хочу умирать!..

Я вспоминала месяцы, проведенные с Джеймсом. Мы знакомы совсем недавно (а кажется – всю жизнь!), и за это короткое время нам пришлось пройти через множество испытаний. Мы нашли настоящую любовь, и у нас родилась дочь, но в любой момент мы можем все потерять... Почему именно нам с Джеймсом была уготована такая участь? Почему мы должны платить такую высокую цену за право быть счастливыми? Почему нам приходится вечно скитаться и уходить от погони?..

Мария говорит, что я – избранная, мне предстоит изме-

нить ход истории. Я должна найти и уничтожить чашу Соломона. Боже мой – чаша!.. В последнее время я почти не думала о ней и о своей миссии, из-за которой нас преследуют враги рода человеческого. Эти существа обладают исключительной властью и почти неограниченными возможностями на Земле. Рептилоиды – чудовища, обладающие высоким интеллектом, они могут давать потомство совместно с человеком, принимать таким образом человеческий облик. Люди не подозревают об их существовании. Рептилоиды паразитируют на нашей планете, присваивают достижения человечества и питаются энергией человеческих страданий. Их представители участвуют в правительствах самых влиятельных стран. Рептилоиды развязывают кровавые войны только для того, чтобы получить дополнительную силу и укрепить свою власть над людьми.

Я должна была остановить их. Если бы я только знала, на что иду, когда согласилась участвовать в операции по уничтожению чаши Соломона! Те, чьим интересам служит эта чаша, – рептилоиды, – открыли охоту за мной. Отныне моя жизнь превратилась в бесконечный уход от погони.

Все, чего я когда-либо хотела в жизни – это иметь любящую семью, мужа, детей. Судьба распорядилась иначе. Моя старшая дочь умерла четыре года назад, ей было всего семь лет. Но именно она раскрыла передо мной мое земное предназначение, когда пришла ко мне во сне после своей смерти. Теперь я точно знаю, что это был не совсем сон... Она рас-

сказала мне про чашу Соломона и сказала, что я должна поехать в Таиланд, разыскать эту чашу и уничтожить ее, бросив в горящий кратер вулкана. Я должна была обратиться за помощью к экстрасенсу по имени Мара. Утром я нашла на столе записку с номером телефона, по которому надо было позвонить. Моя жизнь навсегда изменилась в тот день. Впереди меня ждал блистательный, но несчастливый брак, благодаря которому я получила возможность выехать из Советского Союза в Таиланд по дипломатической линии, рождение сына, переезд в Таиланд с сыном и мужем. Потом меня нашли буддийские монахи, которые готовили операцию по уничтожению чаши. Я узнала, что чаша покинула Таиланд и находится в Индии. Мне надо было ехать за ней, но брать с собой ребенка было слишком опасно. Решено было отвезти его в Москву к бабушке.

Волна тревоги захлестнула меня при мысли о сыне. Мне пришлось лететь в Индию без него. С тех пор я его больше не видела. Где сейчас мой мальчик? Я всей душой надеялась на то, что он не попал в руки к рептилоидам, не стал их заложником. Я убеждала себя в том, что должна думать только о хорошем: «Аркаша в безопасности, мы обязательно найдем его!» я должна жить, чтобы защитить свое дитя от этих нелюдей, которые развернули охоту за мной и моими близкими!

Мой сын отправился в Москву с моим двойником, американкой русского происхождения, которая полетела в Россию

с моим паспортом. Я до сих пор не понимаю, как могла согласиться на эту разлуку! Аркашу сначала отвезли в Москву к бабушке – моей свекрови, матери моего мужа Максима, но затем забрали и спрятали. Где – никто не знает... я вспомнила, как Любовь Михайловна плакала в трубку, когда я позвонила ей, чтобы уточнить, все ли в порядке с ребенком. Где теперь его искать? Бедный мой малыш! Если я умру, ему уже никто не сможет помочь!..

Я очень хорошо помнила тот день, когда мы летели частным самолетом из Бангкока в Дели. В Индии я должна была забрать чашу у буддийских монахов. После крушения в живых нас осталось трое – я, Джеймс, управлявший самолетом, и Кадербхай. Кто-то организовал катастрофу – приборы перестали работать сразу после взлета, пилоту дали неверную сводку погоды, направив самолет в эпицентр песчаной бури...

...Я посмотрела на Кадербхай. Он тоже был здесь, рядом со мной. Его глаза были полны боли. За время наших скитаний он успел стать для меня настоящим другом и духовным наставником. Мы привязались друг к другу, хотя с самого начала задачей Кадербхай было просто помогать мне и защищать во всех ситуациях, когда могла возникнуть опасность. Он выполнял задание своего учителя Виссудхи, которому всецело доверял и был бесконечно предан. Я видела, как тяжело было Кадербхай сейчас смотреть на меня. И это несмотря на то, что в жизни ему пришлось пройти через по-

терю самых близких людей.

После авиакатастрофы мы оказались на безлюдном острове в Индийском океане и долго уходили от преследования. Нас пытались расстрелять с вертолета, за нами гнались по земле, нас преследовали дикие звери. Кто организовал катастрофу, кто хотел нас убить, – выяснить это так и не удалось.

Так или иначе, уходя от погони, мы попали на остров Чаши Соломона – остров рептилоидов, где нас взяли в плен и где мы должны были остаться до конца своих дней. Мы стали свидетелями того, на что способны эти твари, как они истязают людей в своих лабораториях и превращают их в биороботов. Меня изнасиловало зеленое чудовище. После этого, как мне объяснили, я должна была каждый год рожать детей. Это должно было укрепить род рептилоидов, так как в моем ДНК содержится особый ген – защита от чаши Соломона. В отличие от всех других людей на планете, я могу взять эту чашу в руки, и она не принесет мне никакого вреда. Чаша укрепляет генетический аппарат рептилоидов, но она смертельно опасна для людей. Любой человек, который прикоснулся к чаше или подходил к ней на относительно близкое расстояние, в скором времени умирает. Для рептилоидов эта чаша жизненно необходима. Они пьют из нее и таким образом укрепляют свои генетические программы – их ДНК не мутирует в человеческую. Эта чаша всегда находилась у рептилоидов, но несколько лет назад они упустили ее из рук. Долгое отсутствие чаши губительно повлияло на рептилои-

дов – они стали перерождаться в людей. Именно поэтому им так нужна была я. Я должна была заменить им чашу, от меня должен был пойти новый род рептилоидов, устойчивых к влиянию человеческой генетики. Иными словами, я должна была быть бесконечно беременной и регулярно рожать.

К счастью, рептилоиды опоздали.

Я узнала о том, что отец ребенка, которого я ношу под сердцем, – не рептилоид, в тот день, когда нам чудом удалось бежать с их острова. (Этот остров находился не в Индийском океане, как мы думали, а в Южной Америке). О том, что я беременна не от рептилоида мне сообщил один доктор по имени Мун, который работал на острове (он же помог нам бежать). Симптомы моей беременности (я чувствовала себя прекрасно!) свидетельствовали о том, что отцом ребенка может быть только человек. В знак благодарности за то, что я спасла его дочь от гибели в пожаре, он дал мне средство, способное избавить меня от клеток рептилоидов. Это лекарство я должна была принять после родов, но доктор предупредил, что оно может убить меня, если мой организм будет очень ослаблен. И вот теперь, родив ребенка и выпив лекарство, я умерла?..

Каким образом мы оказались в Амазонии, ведь самолет потерпел крушение над одним из островов в Индийском океане? Ответ может быть только один – пространственная калитка. Они действительно существуют. Мы прошли через нее, когда бежали от преследования в первый день после

авиакатастрофы в Индии. Похоже, рептилоиды знали о калитке и сознательно гнали нас к ней, чтобы привести на свой остров.

Покинув остров рептилоидов, мы прятались в джунглях Амазонии. Рептилоиды постоянно преследовали нас. Нам пришлось отойти далеко от русла Амазонки и затаиться. В этих джунглях я встретила Марию, здесь родилась наша с Джеймсом дочь Луиза.

Я ни минуты не сомневалась в том, что Мария говорила правду о том, как попала в джунгли. У меня не было оснований не верить этой женщине. Тем более, что она знала обо мне все, а я была знакома с ее дочерью Марой. Мария узнала на мне медальон Мары, который Мара мне подарила. Я всегда носила его на шее как оберег. Кольцо замкнулось. Я доверилась Марии с первых же минут нашего знакомства.

Теперь, как никогда, мне хотелось вернуться в свое тело, обнять своих близких, оставить позади все то, что так терзало и не давало покоя все эти месяцы. Мы выберемся из джунглей, найдем моего сына, спрячемся, затеряемся, сможем наконец зажить счастливой и спокойной жизнью.

...Мария перестала молиться. Джеймс передал ей на руки ребенка и взял мою руку в свою.

– Пожалуйста, вернись, я не могу жить без тебя! – услышала я его голос, полный отчаянной мольбы.

В хижину вбежала Нигиги с криком:

– Я нашла его! Он точно поможет Ирине!

Вслед за ней в хижине появился шаман. Луиза на руках у Марии надрывно заплакала.

«Боже мой! Как же она будет жить без меня?!»

Шаман отдал короткое приказание, и люди покинули хижину. Остались доктор и Джеймс. Шаман принес с собой небольшую чашку, наполненную до краев илом. Мое тело положили прямо на пол, раздели и покрыли илом с головы до ног. Шаман запел свою песню, и я почувствовала, как меня потянуло к гамаку, назад в тело.

Стоило мне открыть глаза, как из тьмы выплыло лицо шамана. Я продолжала слушать его песню. Я почувствовала, как меня медленно засасывало в тело. Я увидела ослепительное сияние глаз старого шамана. Я заглянула в самую глубину его черных зрачков. Глаза его, казалось, были лишены век и походили на две огромные луны. Они были полны пляшущих огненных искр. «Это глаза сумасшедшего», – подумала я. Сильное щекотание в горле заставило желудок сжаться в тугой комок, пока меня не вырвало. Я порывисто села и увидела, как шаман покидает хижину.

Джеймс взял меня на руки, как маленького ребенка и вынес из хижины. Он нес меня к ручью. А я смотрела на голубое небо и плакала. Он погрузил меня в прозрачные воды ручья и осторожно смыл весь ил и рвотные массы. Мария завернула меня в простыню. Я пыталась заговорить, но не смогла, у меня не было сил. Джеймс вернул меня в хижину и положил в гамак.

Мария, погладив меня по голове, тихонько сказала:

– Ты будешь жить. Злые духи покинули твоё тело. Шаман заманил твою душу обратно. Теперь тебе надо поспать.

Я хотела спросить про Луизу, но Мария опередила меня:

– Ты лежи, а я принесу малышку и приложу к груди. Она уже несколько часов ничего не ела. Но не волнуйся, шаман дал ей отвар, она спала все это время.

После этих слов я крепко уснула. Когда наступил вечер, я открыла глаза и попросилась на воздух, в хижине было очень душно. Джеймс вынес меня наружу. Легкий ветерок освежил меня. Я лежала в гамаке между высокими деревьями и сквозь прикрытые веки видела, как звезды в небе разгораются все ярче.

Я боялась надвигающейся ночи, мне казалось, что именно этой ночью я умру. Я стала панически бояться смерти. Сегодня я уже дотронулась до нее.

Запах дыма от костра тянулся ко мне, и я вдруг возненавидела этот костер, как будто он был причиной надвигающейся темноты. Черные тучи закрыли луну и окутали пространство траурным покрывалом. Чтобы не сойти с ума от страха, нарастающего во мне, я стала прислушиваться к лесным обитателям, просыпающимся от дневного сна, чтобы скитаться ночью по лесу.

Страх отпустил меня как-то внезапно, сознание все еще немного путалось. Вокруг мягкой звездной пылью осыпалась тишина. В просвете чистого неба я заметила падающую звезду.

ду и невольно улыбнулась. Я всегда успевала загадать желание, но сейчас мне ни одно не пришло в голову.

Шаман наклонился над моим гамаком. Я почувствовала, как мозолистой рукой он гладит мне лоб и щеки. Он был едва виден во тьме ночи. Я знала, что он сейчас уйдет, и захотела поговорить с ним, но провалилась в сон, так и не узнав, хотел ли он что-нибудь сказать мне.

Мой сон был недолгим. Я почувствовала, что снова вся горю. Меня подкидывало на гамаке. Все мое тело тряслось.

Я ощутила руку Джемса, лежащую у меня на голове. Беззвучно, как лесной дух, он стоял рядом. Ветер унес тучи, закрывавшие луну; ее свет залил нас прозрачной голубизной. На поляне, рядом с моим гамаком я увидела Марию, Кадерб-хая, Нигиги с ребенком на руках. Все они сидели на стволе поваленного дерева и не сводили с меня глаз.

Подошел шаман и заставил меня выпить теплую горьковатую жидкость. Она мгновенно сбила жар, и с поднимающейся над лесом зарей я опять провалилась в долгий сон. Через несколько часов я проснулась абсолютно здоровой.

– Это была жуткая, непереносимая боль. Не хотела бы я еще раз испытать такое!

– Боль физическая – всегда следствие боли ментальной в прошлом. Не было бы клеток рептилоидов, было бы что-то другое...

– Но что же делать, чтобы никогда не переносить такую боль?

– Надо отпустить прошлое, простить всех, кто причинял тебе физическую и моральную боль. Все боли происходят от непростения. Есть много людей, которые ведут себя плохо, но прощение очищает обоих: и того, кто прощает, и того, кого надо простить. Только любовь является ключом к счастью.

– Это, наверное, очень трудно?

– Тебе не надо ничего делать, надо просто захотеть простить, и все сработает само. Помни, Вселенная всегда начинает помогать тебе, когда ты выразишь свое намерение к прощению.

2. Прощание

Нас было двадцать человек. Из наших – Джеймс, доктор (единственный из двадцати пяти человек, бежавших с нами с острова рептилоидов, кому удалось выжить в джунглях), Кадербхай, Мария, я с Луизой. Остальные – оставшиеся в живых индейцы: шаман, Нигиги, двое стариков, три женщины с детьми и четверо мужчин. Мы изо всех сил стремились покинуть опасное место, где нас искали враги. Три дня мы молча шагали по лесу неспешным темпом, который задавали старики и дети. Стоило из зарослей донестись малейшему звуку или движению, как женщины замирали на месте, лишь повернув голову в сторону шума. Мужчины мгновенно исчезали в том направлении. Как правило, они возвращались, неся агути, похожего на кролика грызуна, или змею. К вечеру мы делали привал, и добыча готовилась на костре. Дети постоянно были заняты поисками диких плодов.

Совсем оправившись от своей болезни, я, взбираясь на холмы и спускаясь с них, задавалась вопросом, неужели этот наш путь когда-нибудь закончится? Я несла Луизу за спиной, и, хотя ноша была легкой, к концу дня поясница отваливалась. Полчища moskitov и прочих насекомых, привлеченные нашими потными телами, звенели над нами с доводящей до безумия назойливостью. И я, никогда прежде не страдавшая от их укусов, время от времени шлепала себя по

шее, по руке, либо по ноге.

На третий день к вечеру мы сделали долгий привал на окраине брошенных индейцами огородов. На расчищенном от подлеска участке гигантские сейбы выглядели еще монументальнее, чем в лесу. Столбы солнечного света, пробивавшиеся сквозь листву, создавали на черной земле затейливую игру светотеней.

Мы помылись в протекавшем неподалеку ручье, где с чувственным изяществом колыхались на ветерке оранжевые цветы, свисающие с лиан над водой.

Мы снова спали на банановых листьях, согревая друг друга телами и впитывая тепло небольшого костра, который индейцы поддерживали всю ночь, время от времени подтапливая в огонь сухие поленья. Похоже, наши преследователи вновь потеряли нас. Но мы все равно были бдительны и долго задерживаться на одном месте не стали.

Еще до зари мы тронулись дальше. Густой туман окутывал деревья, и кваканье лягушек доносилось до нас словно издалека. Чем выше мы взбирались, тем беднее становилась растительность, пока, наконец, не остались лишь трава да камни.

Мы выбрались на вершину изъеденного ветрами и водой плато, этого реликта иной эпохи. Лес внизу еще спал под одеялом тумана – загадочный, непроходимый мир, величие которого невозможно постичь извне. Сев на землю, мы молча стали дожидаться восхода солнца.

Как только небо на востоке заиграло багрянцем и пурпуром, я в благоговейном порыве вскочила на ноги и залюбовалась красками нарождающегося дня. Послушные ветру облака разошлись, дав место поднимающемуся солнечному диску. Остатки облаков волнами катились по небу, подсвечивая сумерки глубокой синевой, разливая вокруг себя зеленые, желтые и розовые тона. Через несколько минут небо, наконец, стало прозрачно-голубым.

Сквозь полуприкрытые веки я смотрела на залитую светом ширь раскинувшегося перед нами пространства.

Метрах в двухстах ниже я заметила, как из-под огромных банановых листьев, казалось, возник из ничего Кадербхай, прокладывая себе дорогу к растущему в чаще дереву. Я зачарованно стала смотреть, как он карабкается по усеянному колючками стволу пальмы раша. Чтобы не пораниться о шипы, он действовал с помощью двух пар крестообразно связанных шестов, поочередно переставляя их по стволу. Без всяких усилий, плавными движениями он, становясь попеременно на одну пару шестов, поднимал другую все выше и выше, пока не добрался до желтых гроздьев раша, которые росли метрах в десяти над землей. На мгновение он исчез в перистых листьях, серебристой аркой реющих в небе. Срезав плоды, Кадербхай привязал тяжелые гроздья к длинной веревке и спустил их на землю. Затем, неторопливо спустившись по стволу, исчез в зелени бананов.

Обращаясь к Марии, я сказала:

– Кадербхай знает, что я люблю эти плоды, если их сварить; по вкусу они похожи на картошку. Сегодня у нас будет царский обед!

Мария ничего не ответила, но я не придавала этому значения, зная, что она часто уходит в себя, и мое внимание привлекли Луиза и Джеймс. Склонив набок голову и чуть приоткрыв ротик, Луиза крепко спала на руках у папы. Он с любовью поглядывал на нее. Мое сердце защемило от счастья.

– Пошли искупаемся в ручье, – сказала с тяжелым вздохом Мария, – вода, возможно, унесет прочь мой сон, и мне станет легче.

– Тебе приснилось что-то плохое? – тревожно спросила я. Она задумчиво на меня посмотрела и отвела волосы со лба:

– Я видела себя мертвую во сне.

Я пожала плечами:

– Ну и что? Это просто сон. Будем считать, что это к радости. Мы спаслись – и это главное!

Мария не ответила, только еще раз тяжело вздохнула. К нам неслышно подошел шаман и, обращаясь к Джеймсу, произнес:

– Сегодня будет сильный дождь, я слышал голос тумана и чувствую его запах. Надо срочно сделать навес.

Я улыбнулась ему:

– Спасибо за то, что ты спас мою жизнь.

Шаман кивнул. Он смотрел на восток, где облака меняли

очертания, уступая место потокам света. На юге небо было подернуто оранжевыми полосами и уже затягивалось подгоняемыми ветром светящимися изнутри тучами. Показывая рукой вдаль, он произнес:

– Вон там находится шабано, в которое вы скоро придете, там ждут вас, я об этом позаботился, и у них есть связь с вашим миром, можно воспользоваться телеграфом, а вон там Амазонка. Отсюда вы пойдете одни.

Я беспомощно взглянула на Марию:

– Одни?! Ты уверена, Мария, что сможешь найти дорогу к этому шабано? Вдруг мы заблудимся?

– Вы дойдете, – твердо сказала Мария.

– Вы? Ты сказала – вы? Ты что, с нами не пойдешь?!

– Я возвращаюсь назад. А вам надо выходить к людям. Долго в джунглях с маленьким ребенком не проживешь.

– Но как же индейцы? Их дети как-то выживают...

– Вот именно, выживают, и далеко не все. Смертность среди детей очень высока. И не забывай, это их родина и они привыкли к своему климату. Дождь может забрать жизнь, это тебе не Россия, и даже у индейцев, которые веками адаптировались к этим местам, такое бывает. Джеймсу надо решить, как защитить свою семью.

Джеймс, слышавший наш разговор, произнес:

– Мария права. Мы должны выйти к людям. Я отправлю другу телеграмму, он работает в правительстве. Нам нужна защита, мы, кажется, смогли оторваться от погони, нас поте-

ряли, но надолго ли? Одним, без помощи, нам не выжить. А сейчас я соберу мужчин, и мы сделаем навес от дождя.

Джеймс осторожно положил дочку на камень и покинул плато, и мы остались вдвоем с Марией.

Я умоляюще смотрела на нее:

– Пойдем с нами, Мария, ты же наша...

– Мне пора уходить, Ирина, завтра наступит мой последний день, и я не хочу, чтобы ты оплакивала меня.

– Последний день?! Нет, не говори глупости! Ты очень крепкая, еще долго будешь жить.

Дочка проснулась и захныкала. Взяв Луизу на руки, старуха стала тихонько покачивать малышку. Ее иссохшее лицо выражало сдержанную грусть, в глазах теплился тихий ласковый свет. Луиза мгновенно успокоилась.

– Я так и не дождалась своих внуков. Но привязалась к твоей девочке всем сердцем, точно это моя кровь.

Услышанное поразило меня. Я хотела плакать, орать во весь голос, и не было таких слов, чтобы выразить мои чувства. Я распахнула руки и обняла Марию:

– Скажи, что ты пошутила про свою смерть.

Но Мария молчала.

Я почти кричала:

– Мы не бросим тебя, слышишь?! Ты пойдешь с нами!

– Я бы могла тебя обмануть, но не хочу. Если ты вернешься в Россию, то сходи к Маре, скажи ей, что я очень сильно ее люблю. Всегда любила...

Мария передала мне Луизу и произнесла:

– Я хочу тебя предупредить: доктор замыслил недоброе. Он понял, что из этой истории ему не выпутаться, поэтому, придя в шабано и добравшись до телеграфа, он предаст вас. Я точно знаю, что это будет. Помнишь, когда вы зашли в джунгли, вас чуть не схватили?

– Это потому, что трактирщик оказался предателем.

– Так вот, доктор отправит этому трактирщику телеграмму о вашем местонахождении и вас схватят.

– Ты уверена?

Мария кивнула:

– У меня есть такой дар – предвидеть плохое.

– Я верю тебе, надо предупредить Джеймса. Этот твой дар спас нам жизнь.

– Прожив долгую жизнь, а мне почти восемьдесят, я так и не поняла, в чем смысл моей жизни.

– Твой дар, Мария, много раз спасал жизнь людям вокруг тебя. Может, в этом ее смысл?

– Давай, я тебе погадаю в последний раз!

Она достала из широкой юбки колоду карт таро и принялась ее тасовать. Потом опустила на корточки и перевернула первую карту. Это оказался Шут, в яркой одежде, с сумой в руках. Возле его ног была нарисована маленькая беленькая собачка.

– Тебя ждет много событий, начнется новый этап в твоей жизни, это говорит о том, что ты покинешь джунгли в бли-

жайшее время.

Она перевернула вторую карту:

– Это Башня!

Мария покачала головой:

– Я так и думала! Это самая тяжелая карта в колоде и самая опасная. Обозначает рок судьбы, катастрофу, которую никто не сможет предотвратить.

«Господи, и зачем только я согласилась на это гадание!»
Мое сердце бешено колотилось от страха. Полным ужаса голосом я спросила:

– Нас поймают?!

– Почему ты так решила?

– Ну, не знаю, для меня самое страшное – возвратиться на остров рептилоидов!

– Давай посмотрим следующие три карты... Повешенный...

Мария нахмурилась, поколебалась, прежде чем перевернуть очередную карту.

– Страшный суд...

Я всплеснула руками:

– Мария, но что это в самом деле: Башня, Повешенный, Страшный суд?!

– Страшный суд указывает на перемены, но мы это и так знаем. Тебе надо сделать выбор, принять важное решение, и это решение изменит многое в твоей жизни.

– Решение, решение... – я потеряла виски, у меня страшно

разболелась голова...

– Скорей всего, твое решение касается чаши. Возможно, ты колеблешься...

– Да, Мария, так и есть. Я понимаю, что, уничтожив ее, я навлеку беду на своих детей. Но я не хочу этого! Бог с ними, пусть берут свою чашу назад и оставят меня и мою семью в покое!

– Ты окончательно так решила?

Я кивнула.

– Теперь я понимаю! Это твое решение принесет тебе много горя, гораздо больше, чем ты можешь себе даже представить. Да, дети наследуют твои гены, и они будут нужны рептилоидам для опытов, как была нужна ты. Но если ты не уничтожишь чашу, то все люди будут в опасности. Ты знаешь, что рептилоиды питаются нашими страданиями, а без чаши они ассимилируются, возможно, научатся любить.

– Нет, Мария, не научатся! Я была у них в плену. То, что сейчас они делают с людьми – ужасно!

– Но именно рептилоид помог вам бежать с острова. Значит, они не так плохи, как ты думаешь?

Я промолчала. Мария открыла следующую карту:

– Карта Смерти, – пробормотала Мария неестественно глухим голосом.

– Я все равно не верю твоему гаданию! – закричала я.

– Зря не веришь. Я не хочу тебя пугать, просто хочу помочь. От своей судьбы не уйдешь. И если ты сейчас сделаешь

неверный шаг, то смерть будет твоей постоянной спутницей.

– А если я сейчас изменю свое решение, сделаю все возможное, чтобы уничтожить эту чашу?

– Так если – или все-таки точно?

– Мария, ну, конечно, точно! Как вижу, у меня нет выхода!

– Я рада, что ты сделала правильный выбор!

– Не знаю, Мария! Если бы не твои карты, мой выбор был бы другим. Ну, что теперь они покажут?

Мария достала следующую карту и перевернула ее:

– Солнце! Это лучшая карта в колоде, но она перевернутая.

– Что же это значит?

– Впереди много трудностей, но ты справишься.

– Ну, слава Богу!

– Больше гадать не будем. С этого момента забудь свое настоящее имя, ты Элизабет, пусть Джеймс называет тебя только так, даже наедине. И когда вы доберетесь до поселения индейцев, пройди обряд ауяски.

– Зачем?

– Освободишь подсознание от того, что тебе не нужно и мешает, – ответила загадочно Мария. – Но сделай это только один раз. Это важно! Его нельзя повторять! Многие люди повторяют его, но никого не слушай. Пусть это будет только раз.

– Почему его нельзя повторять?

– Человек должен сознательно прийти к Богу, и только сам. Многие шаманы считают, что этот обряд кормит душу и советуют его повторять вновь и вновь. Но они ошибаются. Повторение его недопустимо.

– А что может привидеться?

– Все что угодно. Могут детство показать или то, что ты никогда не проживала. Некоторые в этом обряде видят себя королями, рыцарями или значительными людьми. Но на самом деле это не является правдой. Обряд никогда не показывает прошлую жизнь, если она была прожита в теле человека. Подсознание им говорит лишь о том, что они переполнены таким грехом, как гордыня. Таким людям надо научиться любить ближних, принимать их и не считать их ниже себя. Почувствовав себя значимыми, такие люди будут стремиться к повторению обряда. Но тебе это точно не привидится, такого греха я в тебе не вижу. Ты скорей привыкла принижать себя, что тоже недопустимо.

– Хорошо, Мария, я точно не буду повторять этот обряд! А что нам делать с доктором? Мы же не можем его убить?

– Убивать, конечно, не надо. На вашем пути будет небольшое шабано, вы остановитесь там, и пораньше, пока он спит, уйдите оттуда.

– Но он может догнать нас!

– Без проводника ему не справиться, а в шабано всех предупредите, что доктора надо задержать. Вы успеете уйти.

– Мне даже не верится, что когда-нибудь мы покинем

джунгли.

Мария улыбнулась:

– Они навсегда проникли в твое сердце, это ты поймешь позже. Когда ты вернешься к людям, джунгли тебе долго будут сниться... Это особый мир...

Солнце окончательно убрало остатки тумана. Мы покинули плато и спустились к лесу. Мужчины уже соорудили навес из листьев пальмы. В этот день, сразу же после полудня, поднялся ветер. С ужасающей силой он раскачивал деревья, листья с земли поднимались спиралями и носились в странном танце.

Я стояла в центре небольшой поляны и наблюдала, как порывы ветра налетают со всех сторон. Мое тело облепили куски коры, я попыталась сбросить их, но кора держалась так прочно, будто была приклеена. В небе темнели гигантские черные облака. Непрерывный отдаленный рев льющегося дождя становился громче по мере того, как приближался. По лесу разносились раскаты грома, в полутьме мерцали белые вспышки молний. Из леса постоянно раздавался скрип падающих стволов, сраженных молнией, ему эхом вторил мрачный шум деревьев и кустов.

Пронзительно крича, женщины и дети сгрудились под навесом, к ним подтянулись и остальные.

Гром и молнии, к нашему счастью, ушли в сторону, облака над нами рассеялись. Дождь надвинулся широкой полосой, такой плотной, что не было видно соседних деревьев.

Он продолжался около часа и закончился так же внезапно, как и начался.

Небо полностью очистилось от облаков. Мы с Марией покинули навес и прошли к реке. Груды земли валялись по берегам, принесенные сюда бушующим ливнем. Повсюду текли ручейки, от которых доносился звук, как от дрожащей тины лука.

Лес замер. Не было слышно ни птиц, ни насекомых, ни зверей. Внезапно, без всякого предупреждения, над нашими головами оглушительно прогрехотал гром.

– Но облаков нет! – закричала я, падая, как скошенная, на землю, а Мария даже не пошевелилась. Она спокойно произнесла:

– Индейцы считают, что грозу вызывают мертвые, чьи кости не были сожжены, чей прах не был развеян, поэтому мы вернемся и похороним тех, кого убили рептилоиды.

– Ты веришь в эти сказки про мертвых?

Мария пожала плечами:

– Я долго с ними живу, поэтому верю.

– Ливень так быстро закончился.

– Это ненадолго. Дожди начались. Нам пора, прощай, моя девочка!

Я обняла Марию, и мы расстались с ней навсегда.

– Вот в этом и было предназначение Марии, Ил.

– Ты хочешь сказать, что ее задача состояла в том, что она должна была убедить меня, чтобы я все-таки уничтожила

чашу?

– Не только, она просто помогала тебе и другим. Для этого воплотилась эта старая душа, даже согласилась на годы отшельничества, чтобы встретить тебя и повести правильной дорогой.

– Она родилась задолго до моего рождения. Это значит, что мою миссию запланировали давно?

– Да, еще до твоего появления на свет.

– Вот это да! Теперь я понимаю, как мне повезло! Ведь так?

– Повезло не только тебе, но и твоим потомкам до тысячного рода. Твой род отмечен, и твои заслуги отразятся в твоей следующей жизни.

3. Шабано

Вскоре мы подошли к реке. Она серебряной змейкой блеснула сквозь море зелени, и я почувствовала себя совершенно потерянной в этом необъятном пространстве. Я видела, как трепещет свет, слышала, как шепчутся деревья, ветер доносил до меня далекие голоса птиц. Я все время думала о Марии. Возможно, ее уже нет в живых, а я так привязалась к ней! Почему так несправедлива жизнь? Она отбирает у нас самое дорогое! Мой сын тоже далеко, и я ничего не знаю о нем. Смогу ли я найти его?

Джеймс то и дело бросал на меня тревожные взгляды, наконец спросил:

– Ты в порядке?

– Да, – я сосредоточенно кивнула. Хотя это не было правдой, но я больше не могла видеть его беспокойство, поэтому солгала и попыталась взять себя в руки. Давалось это мне с трудом.

Сделав небольшой привал, мы пообедали и не спеша пошли дальше. Я знала, что скоро нам предстоит зайти в небольшое шабано, где мы должны будем оставить доктора. Возможно, это было не очень хорошо по отношению к нему, но мы не могли рисковать, проверяя его преданность.

Индейцы встретили нас бурей приветственных криков. В нашу честь племя устроило праздник.

В эту ночь я не сомкнула глаз. Перед рассветом запахло дождем. Я села и начала слушать, как тяжелые капли шлепаются на пальмовую крышу. Привычные голоса сверчков и лягушек создавали непрерывный пульсирующий фон жалобным крикам ночных обезьян. Все эти звуки сливались в мелодию, и среди этой музыки я совершенно явственно услышала шаги, а потом треск веток. Разбудив Джеймса, я прошептала:

– Джеймс, кто-то рядом с нашей хижинкой. Я боюсь.

Он выглянул наружу и поспешил успокоить меня:

– Это Кадербхай пришел за нами. Нам пора.

Я вышла из хижины, прижимая к себе спящую Луизу, и вдохнула воздух полной грудью. Было свежо. На заре лесная темень – уже не черная, а голубовато-зеленая, как в подземной пещере, куда свет проникает сквозь скрытую расщелину. Дождь, на наше счастье, закончился.

Мы тихонько, не привлекая внимания, покинули шабано. Временами сквозь листву проглядывал кружок луны, но он совсем не освещал нашу тропку. Призрачное голубовато-зеленое сияние распространялось с востока. Высокие стволы деревьев были похожи на столбы дыма. Верхушки деревьев хорошо просматривались на фоне бегущих облаков.

Чем дальше мы шли, тем больше бледнела луна, превращаясь в затуманенное и едва различимое световое пятно. И я подумала, что, может быть, этот мир наполнен волшебными существами, которые не показываются нам, но неустанно за

нами наблюдают. Возможно, индейцы правы и рядом с ними постоянно проживают разные духи? А может, душа Марии сейчас рядом с нами? Я послала ей воображаемый поцелуй и почувствовала, как легкий ветерок тронул мою щеку. Или это был ответный поцелуй Марии?

Мало-помалу смолкли птичьи и обезьяньи голоса, стих ночной ветерок, и я поняла, что рассвет совсем рядом. Мы отошли от деревни уже на приличное расстояние, и теперь я могла не опасаться того, что Луиза может заплакать.

Брызги росы ласковым дождем омывали наши лица, когда мы отводили в сторону листья лиан. Мохнатые пауки цепкими лапками поспешно латали свои серебристые паутины, порушенные дождем, готовясь к новой охоте.

Мы вышли к реке. Услышав крик птицы, я подняла голову. С ветки, словно гигантская бабочка спорхнул желтый ара, пронзительно закричала в ответ обезьяна. Проводник – высокий индеец – предостерегающе поднял руку, веля замереть на месте, затем крадучись стал пробираться вдоль берега.

– Сегодня на ужин у нас будет мясо, – шепнул мне на ухо Джеймс.

Мы с ним улеглись на песок, я положила рядом Луизу и залюбовалась нестерпимой синевой неба. С восходом солнца стало жарко, этот жар нагнал на нас дремоту. Все вдруг замерло – каждый листик, каждое облачко. Даже висящие над водой стрекозы казались неподвижными в прозрачном трепете крыльев. Тихий шелест воды успокаивал. В мозгу один

за другим проплывали похожие на сон образы, то медленно, то быстрее, словно кто-то показывал мне кино, и я не заметила, как уснула.

Разбудил меня треск костра, и я перевернулась на живот. На металлической решетке индеец поджаривал небольшую лесную свинью. Мясо оказалось немного жестким, но приятным на вкус. Луиза вела себя прекрасно. Пока мы с ней спали, мужчины нашли небольшую лодку, и я вздохнула с облегчением: ходить по джунглям непросто. Поев, мы погрузились в лодку и отправились в путь без проводника, река должна была привести нас к месту. На наше счастье деревья по обоим берегам и ползущие по небу облака затеняли реку от знойного солнца. Наше путешествие от этого стало комфортным.

Временами река светлела, и тогда буйная зелень отражалась в ней неестественно ярко. В лесном сумраке и глубокой тишине вокруг нас было что-то навевающее покой. Дочка просыпалась, чтобы поесть, и, насытившись, вновь засыпала. Наше путешествие продолжалось достаточно долго. Иногда мы делали привал, чтобы обтереть себя водой – купаться в реке мы опасались.

Незадолго до того, как стусились сумерки, мы подвели лодку к берегу, где среди черных скал было много песчаных проплешин.

Как только лодка врезалась в песок, мы выпрыгнули и вытащила ее на сушу, поближе к лесной опушке, где свисаю-

щие лианы и ветки образовывали укромное убежище. Оглянувшись на дальние горы, я опять вспомнила о Марии и тяжело вздохнула.

Кадербхай взобрался на самую высокую скалу в надежде увидеть крыши шабано. Должно быть, оно дальше, чем мы рассчитывали, потому что его взору открылась лишь зелень джунглей. Наступал вечер, и темнота, выползая из реки, медленно взбиралась на скалы по мере того, как в небе таяли последние следы заката.

Наскоро поужинав остатками обеда, мы вернулись к лодке и продолжили наше путешествие. Лежа в ней, сквозь густое сплетение ветвей я видела прозрачное небо, полное бесчисленных крошечных звезд, сверкавших, словно серебряные пылинки. Меня удивляла Луиза. Это был потрясающий ребенок: она либо спала, либо улыбалась. Вот и сейчас, лежа у меня на руках, она внимательно смотрела на звезды.

Взошла луна. Потоки лунного света сочились сквозь полог ветвей, разрисовывая наши лица и песок по берегам причудливыми тенями, оживающими при малейшем шорохе ветра.

Мы плыли всю ночь, и, на наше счастье, погода была прекрасной. Рассвет заставил смолкнуть все крики, шорохи и звуки ночного леса. Серебряной пылью выпала на листья роса.

Над деревьями взошло солнце, окрасив облака в оранжевый, пурпурный и розовый цвета. Таких красивых рассветов,

как здесь, я больше не видела никогда в жизни.

Мы сделали привал, чтобы размять ноги. На востоке, омрачая горизонт, поползли черные тучи. Вдали сверкали молнии, спустя время мы слышали громовые раскаты, и белые полосы дождя неслись по небу на север, значительно опережая нас. Я с тревогой смотрела на небо: когда же мы доберемся до места? Если пойдет дождь, где мы укроемся?

И уже почти отчаявшись дожидаться конца нашего путешествия, мы увидели большую лодку. В ней сидели семь индейцев. Кадербхай встал во весь рост, отчаянно замахал рубашкой, привлекая их внимание. С хорошо рассчитанной точностью их лодка пристала к берегу всего в нескольких шагах от нашей.

Из лодки выбрались индейцы. Они странно выглядели в своей цивилизованной одежде – шортах и футболках и с лицами в пурпурных узорах. Нас препроводили в шабано, где нам выделили хижины для проживания.

Джеймс сразу отправил телеграмму своему другу, при ее написании он применил известный им тайный шифр. Смысл же послания сводился к следующему: «Мне, моей жене и ребенку грозит смертельная опасность. Выручай». Еще он прописал наши точные координаты, и мы принялись ждать помощи.

Я, исполняя наказ Марии, первым делом договорилась с местным шаманом провести обряд ауяски. Джеймс посмеялся надо мной, однако препятствовать не стал.

4. Обряд

Когда стемнело, я отправилась к шаману. Его хижина почти не отличалась от других. Только стены были заставлены полками с многочисленными пузырьками и высушенными травами.

Шаман, на вид лет пятидесяти, кстати, потом я узнала, что ему далеко за восемьдесят, с длинными черными волосами, был похож на ворона, со своим огромным горбатым носом, загнутым книзу. Одет он был в тунику, доходящую до бедер. Все лицо, руки, а возможно, и тело его были покрыты синей татуировкой. Было в его внешности что-то зловещее, непонятное. Но я доверяла шаманам: ведь именно шаман, а не доктор спас меня от смерти. Теперь я знала, что шаманом не может быть случайный человек.

Мария мне рассказывала, что жизнь сама находит шамана среди местных жителей. Происходит это так: у молодого человека случается странная болезнь. Он начинает видеть и слышать то, что не видят другие. Порой такие люди теряют сознание, порой испытывают тягу к самоубийству или слышат голоса и видят странные видения. Они начинают тянуться к шаманам, а потом решаются объявить, что побывали в стране мертвых и им велено стать шаманом. После этого будущий шаман уходит в джунгли, где начинает общаться с духами. Такая уединенная жизнь обычно длится года три. По-

сле этого он еще два года учится бить в бубен. В некоторых случаях новый шаман сам познает науку жизни, иногда учится этому у старого. Иногда он может стать шаманом только тогда, когда умрет учитель. Перед посвящением в шаманы человек проходит самый строгий пост, который длится до девяти дней. В это время за ним тщательно наблюдают, потому что тело его распухает, покрывается трупными пятнами. Он заживо должен пережить свою смерть. Во время этого поста человек общается с духами. Эти духи рвут его плоть, выкалывают глаза, раздирают тело по кусочкам. Потом эти же духи соберут тело заново. «Смерть заживо» открывает в шамане способность самостоятельно погружаться в транс. Потом он начинает делать это легко, когда сам того захочет.

Шаман, к которому я пришла, был опытным и пользовался огромным уважением. Меня волновало, как я буду общаться с ним. Испанский я знаю плохо, он не знает английский...

В хижине было темно, и я едва могла разглядеть лицо шамана. Он спокойно смотрел на меня и произнес какую-то фразу на своем языке. И вдруг я осознала, что понимаю его.

– Сейчас ты пройдешь обряд, который, возможно, позволит тебе вспомнить, кто ты, зачем ты здесь. Ауяска приоткрывает подсознание, позволяет узнать, ради чего мы пришли на Землю, свое предназначение, либо вспомнить что-то важное. Сейчас мы перейдем к костру и начнем. Но перед этим я должен спросить у тебя: ты действительно хочешь

пройти этот обряд?

Я быстро закивала, я очень хотела, потому что безоговорочно доверяла Марии. Скажу честно, мне было страшно, но я шла на это. Возможно, этот обряд поможет мне разобраться с собой и убрать страдания разума, которые я часто испытывала. Мне хотелось чувствовать себя счастливой, чтобы ком, который я ощущала в горле, покинул меня.

Мы вышли на воздух, и шаман быстро сложил костер. Дым от него уходил вверх. Я стояла и слушала тишину джунглей. Она поражала. Почему сегодня так тихо? Как будто сама природа участвовала в нашем обряде.

Шаман запел песню. Я догадалась: это был гимн природе, Земле, мирозданию. Мурашки побежали у меня по телу. Он кинул в костер какой-то порошок и травы. Тотчас дым окутал меня, проникая в легкие, заполняя тело теплом и спокойствием. Шаман призвал в помощь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Мне не надо было напрягаться, чтобы понимать его, я была с ним на одной волне. Его гортанный голос поплыл над джунглями. Мое тело стало раскачиваться в такт песни. На поляну вышел молодой индеец, в его руках я увидела огромный глиняный кувшин, доверху наполненный волшебным варевом. Шаман налил себе стаканчик и прикоснулся к нему губами. Все его тело изображало благоговение и трепет. Он выпил содержимое стаканчика, снова наполнил его до краев и протянул мне со словами:

– Пей, не бойся, скоро ты поймешь, что умеешь летать.

«Летать?» – я выпила все до дна, посмеиваясь над его словами, хотя мне почудилось, что сказал он это с затаенным коварством. Но пока до меня окончательно дошло, что он и не думает шутить, по всему телу растеклось приятное оцепенение, перетопившее мою тревогу в успокоительную тяжесть, от которой голова так налилась свинцом, что, казалось, вот-вот отвалится. Мозги в моей голове раздулись и стали давить на уши. Представив, как я сейчас полечу – все тело устремится вверх, а голова останется на земле, я судорожно расхохоталась.

Присев у костра, шаман наблюдал за мной со все нарастающим любопытством. А я, с трудом оторвав голову от земли, медленно поднялась на ноги. «Я не ощущаю себя собою! А кто же я?»

Попытавшись двинуться с места, я поняла, что ноги меня не слушаются, и удрученно плюхнулась на землю рядом с шаманом. Мимо меня величественно проплыло огромное дерево. Или это я проплыла мимо него?

– Почему я смеюсь? – спросила я у себя, удивляясь собственным словам. На самом-то деле я хотела узнать, что со мной происходит. Я тут же засомневалась, действительно ли я задала вопрос шаману или он только прозвучал у меня в голове? На всякий случай я подползла к шаману поближе, боясь пропустить его ответ. Но шаман молчал.

Тишину прорезал крик обезьяны, и лицо шамана напряглось. Ноздри раздулись, полные губы сжались в прямую ли-

нию. Он впился в меня глазами, которые становились все больше. В них светилось глубокое понимание и еще нежность, такая неожиданная на его суровом, похожем на маску лице.

Словно приведенная в движение неким неповоротливым механизмом, я с огромным трудом поползла от шамана по-дальше к огромному дереву. Мое тело вдруг стало очень пластичным, оно тянулось в длину и в ширину. Руки удлинились до невозможности, за ними стали расти ноги. Шаман неотступно следовал за мной:

– Спроси о том, что ты хочешь узнать, – сказал он, протягивая мне очередную порцию напитка.

Я попросила показать мне, где мой сын, но ничего не произошло. Я разочарованно вздохнула и приникла губами к стакану, сделала глоток, другой и затем залпом допила густую жидкость, внешне походившую на кисель, но по вкусу непонятную, имеющую привкус грибов и немного – горечи. Шаман тоже выпил свою порцию зелья и снова налил мне. Я взяла стакан и на одном дыхании выпила его, прислушиваясь к тому, что происходит у меня внутри. А внутри образовалась пустота. Меня это слегка разочаровало.

– Что я должна делать?

– Ничего, – ответил мне шаман, – просто позволь своим мыслям свободно течь.

Я усмехнулась. Легко сказать – течь свободно! У меня в голове постоянная каша. Мысли скачут, и остановить их

невозможно. Из висящего на шее мешочка шаман отсыпал на ладонь эпену, глубоко втянул галлюциноген в ноздри и протянул мне. Я отпрянула от него, мне не хотелось запихивать в себя наркотик, я и так была очень не в себе. Шаман одобрительно хмыкнул и запел. Я слышала его песню в себе и вокруг себя, почувствовала ее мощное притяжение. Без тени сомнения я отпила еще из сосуда, который он поднес к моим губам. Темное варево больше не горчило.

Мое ощущение времени и пространства совершенно перекосилось. Шаман оказался так далеко, что меня одолел страх потерять его в джунглях, тем более что наступила ночь. И как только я так подумала, глаза шамана мгновенно приблизились к моим, и я увидела свое отражение в их темных зрачках.

Я протянула руку, пытаясь дотронуться до его щеки, но рука схватила листья кустарника, и в тот же миг лицо шамана исчезло, а я покинула джунгли.

Передо мной на кушетке лежала маленькая девочка. Ее внешность показалась мне до боли знакомой. И тут до меня дошло: я вижу себя в детстве. Я спала на кушетке в крошечной комнате, отделенной от спальни родителей лишь тонкой старой занавеской. Сколько мне лет? Пять или семь... Из-за занавески доносились непристойные звуки и пьяные голоса родителей: они занимались любовью. Частенько из-за этого в детстве я долго не могла заснуть и в школе, на уроках ничего не соображала. Когда в конце четверти я приносила домой

свой табель, мать орала на меня:

– Ты глупая, тупая скотина!

И я верила ей, горько плача на своей кушетке.

Перед глазами промелькнула яркая вспышка. И я почувствовала себя еще меньше, здесь мне не больше года. Я сидела на коленях у папы, он ласково обнимал меня, его глаза излучали свет, нежный голос что-то шептал мне на ухо и звал за собой сквозь время. Рядом с ним, прямо на полу, сидя на корточках, моя мама с любовью смотрит на нас обоих. Я любима! – эта мысль была такой удивительной, мне всегда казалось, что родители меня ненавидят. Слезы градом полились у меня из глаз. Где-то в мозгу отбивала барабанной дробью фраза: «Я любима, любима!»

Яркая вспышка повторилась вновь, и я почувствовала, что нахожусь в теле огромного животного, я, кажется, стала львицей! Когда-то мне уже привиделось такое, я это хорошо помнила, я уже была львицей и кормила львят. На этот раз, прижав меня к земле, на мне сидел лев. В его пленившем меня теле не было ничего от насилия. Наслаждение волнами сливалось с видениями гор и рек, тех дальних краев, где обитает много диких животных. Я плясала с духами зверей и деревьев, скользя с ними в тумане мимо корней и стволов, мимо веток и листьев. Я подпевала голосам птиц, диких животных и змей. Я разделяла сны тех, кто жил со мною рядом, разделяла их с цветами, листьями и деревьями.

Я уже не понимала, сплю я или бодрствую. Временами

мне смутно вспоминались слова шамана о том, что я могу увидеть что-то необычное, возможно, даже прошлую жизнь. А Мария говорила, что не могу. Так кому же мне верить? Я все-таки доверилась шаману, и страшная догадка пронзила мое тело: в прошлой жизни я не была человеком! Мои воспоминания стали расплывчатыми и скоротечными. Нет, хватит, я больше не буду пить это зелье!

— Тебе надо выпить еще, — голос шамана доносился откуда-то издалека. — Ты почти у цели, — сказал он и погладил меня по голове, как маленькую девочку.

И вся моя решимость отказаться пить из сосуда, который подобно лесному духу стоял у огня, исчезла без следа. Я выпила снова и тут же повисла в безвременье, которое не было ни днем, ни ночью.

Потом я опять стала львицей. На этот раз я убивала молодого мужчину. Его солоноватая кровь заливается мне в пасть, щекочет небо, я слышу биение его сердца, сливаясь со светом и тьмой внутри него. И напоследок передо мной всплыл образ сына, он сильно вырос и почему-то одет в монашескую рясу, словно пришел из другого времени.

Сознание вернулось ко мне, когда я почувствовала, что как-то перемещаюсь сквозь кусты, деревья и неподвижные лианы подлеска.

Джеймс нес меня на руках в нашу хижину. Моя голова была пуста, словно сосуд, выпитый до дна. Видения вытекали из моих ушей, носа и рта, оставляли тонкий след капель

на крутой тропе.

Меня знобило всю ночь, и Джеймс никак не мог согреть меня своим телом. Под утро я поняла, что обряд вскрыл нечто, мне пока непонятное, но очень тревожное и страшное. Ком в горле, столько лет мучавший, прошел бесследно. Разум очистился, и мысли полились ровным потоком. Однако мучил вопрос: почему я увидела своего малыша в монашеской одежде? Разве трехлетний малыш может быть священником? Этот вопрос так и остался без ответа.

– Грея, как ты относишься к таким обрядам?

– В общем-то, спокойно. Но совершенно необязательно к ним прибегать, чтобы изменить себя и стать счастливой. Человеку на его пути не нужны костыли.

– Но я же должна была вспомнить детство?

– Я бы вообще не использовала слово «должна», лучше замени его на слово «могу». Ты могла вспомнить детство, если бы захотела, и без обряда. Выброси все свои «я должна» из жизни и замени их на «я могу».

– Я чувствую, что причина всех моих бед в нелюбви к себе. А они – родом из детства. Однако без обряда смогла бы я вспомнить детство?

– Почему бы и не могла? Подсознание помнит все. Но некоторые воспоминания упрятаны в нем глубоко-глубоко. Надо попросить его вернуть их.

– Грея, я поняла, что мой ком в горле – результат неприятия себя. Я все время думала, что я хуже всех. Меня в дет-

стве ругала мама за плохие оценки – я поверила, что я тупая, нерасторопная, а дальше уже ругала себя сама. И жизнь совсем не ладилась, а этот предательский ком все время меня душил...

– Да, Ил. Критика себя недопустима. Идеи нелюбви и недооценки себя унаследованы тобой по роду. Люди всегда совершенны, хотя им всегда есть что изменить. Просматривая свою жизнь, ты можешь провести «генеральную уборку», убрать то, что мешает тебе быть счастливой. Ты вспомнила, как мама обижала тебя, именно эти обиды и засели у тебя в подсознании. Посмотри на эту критику мамы по-другому и пойми, что ты вовсе не глупая и не тупая, ты так всю жизнь ругала себя, совсем как твоя мама. Были и другие обидчики в твоём детстве – папа, учителя, друзья, вспоминай все обиды, именно они заставляют тебя быть к себе критичной. Все, ты уже не маленькая девочка, прекрати так к себе относиться. Пойми, что сейчас ты себя ругаешь именно их словами. Понимая это, ты поднимешься над этими ситуациями. А родителей, учителей и других людей надо простить, потому что они могли нас научить лишь тому, что знали сами, у них было не менее тяжелое детство, они могли дать нам только то, что получили от жизни сами.

5. Ожидание

Миновало несколько бурных грозowych недель, и пошли ровные дожди, поведение которых почти всегда можно было предсказать. После хмурых туманных рассветов по предполуденному небу плыли белые пушистые облака. Спустя несколько часов над шабано собирались тучи. Они нависали так низко, что, казалось, цеплялись за деревья, злобещей тенью закрывая небо. Затем начинался сильнейший ливень, который переходил в изморось и нередко тянулся далеко за полночь.

После проведенного обряда что-то сильно изменилось внутри меня. Хотя шаман говорил, что обряд надо повторить как минимум еще два раза, я решила, что поступлю так, как советовала Мария и больше употреблять ауюску не буду. Пережить такое вновь было выше моих сил.

Племя, в которое мы попали на этот раз, сильно отличалось от других. Отпечаток цивилизации сделал свое дело. Одевались индейцы по-европейски, вели активную торговлю, сбывая фрукты, овощи и рыбу на рынке. На вырученные деньги они покупали одежду, посуду, орудия производства. К нам относились спокойно: не дергали, не заставляли работать, но мы сами не могли сидеть без дела. Кадербхай и Джеймс охотились, а я работала либо в огородах, либо по утрам, когда не было дождя, шла с Луизой к реке и там,

на болотах, образовавшихся по берегам реки, с остальными женщинами ловила лягушек и собирала речные мидии.

Женщины с самодовольной улыбкой, свойственной всем индейцам, не осознающим собственной жестокости, разрывали лягушку за лапы, чтобы вытекла вся кровь, считавшаяся ядовитой. Я не могла делать так же. Поэтому, найдя лягушек, я отдавала их другим, и те тут же разрывали несчастных рептилий. Я в ужасе прикрывала глаза, а женщины хохотали.

К обеду, когда мы собирали достаточно лягушек, с них снимали шкурки, заворачивали в листья какого-то дерева и жарили на костре. С гарниром из маниоковой каши получался настоящий деликатес.

Когда не было дождя, я обычно укладывала Луизу спать прямо на землю на листья бананов. Она тихо наблюдала, как вереницы зеленых и желтых навозных жуков ползли вверх и вниз по светло-зеленым стеблям камыша. В своих сверкающих изумрудом и золотом dospехах они казались существами из иного мира. Меня снова и снова удивляло поведение девочки: она почти не плакала. Живя среди индейцев, я замечала, что их маленькие дети ведут себя точно так же. Неужели так сильно влияла на дочку окружающая среда?

Дни ползли за днями. Было понятно, что наши враги нас потеряли. И когда, казалось бы, можно было спокойно вздохнуть и порадоваться жизни, Джеймс впал в мрачное настроение. Он стал угрюмым, замкнутым и раздражительным. Пытаясь перебороть ощущение отчужденности между нами, я

старалась больше угодить ему, но он от этого еще больше раздражался, и я оставила его в покое. Но меня саму начали мучить дурные предчувствия, меня словно стали осаждать некие не поддающиеся определению силы.

Однажды ночью, когда я еще не совсем впала в сонное забытие и витала где-то между сном и явью, на меня обрушилось внезапное озарение. И пришло оно не в словах, но преобразилось в целую последовательность мыслей и воспоминаний, вспыхивавших передо мной яркими образами, и все вдруг предстало в истинном свете. До меня вдруг дошло, что точно так же выросло отчуждение между моими родителями в далеком детстве. Я как будто нацепила на себя чужую роль – роль моей матери, а роль отца начал играть Джеймс.

Этим вечером я решительно подсела к мужу, который расположился возле костра рядом с несколькими индейцами и Кадербхаем, и из меня бесконечным потоком полились слова, громоздясь друг на дружку с поразительной быстротой.

Индейцы и Кадербхай поняли, что между нами с Джеймсом разыгрывается сцена, и тактично оставили нас наедине.

Я чувствовала, что если сейчас не остановлю отчуждение, которое нарастало между нами с каждым днем, то нам придется расстаться. Я первый раз в жизни отстаивала свое право на счастье. И уж в совершенно несносное существо превратила меня мысль о том, что Джеймс отодвинул меня в сторону и не подпускал к чему-то такому, на что я имею полное право. Это мое право знать о его чувствах и мыслях я

не подвергала ни малейшему сомнению, и это делало меня несчастной, лишало всех тех радостей, которыми я так дорожила прежде. Его угрюмость и подавленность, которую он переживал сам по себе, почти убила нашу любовь.

Я нисколько не стыдилась слов обвинения в его адрес, не выбирала выражений, а просто выплескивала свою боль и страх, и уже через несколько минут с радостью увидела, что Джеймс начал выходить из своего оцепенения.

– Любимая, прости, но я не знал о том, что ты так страдаешь. Мне было страшно за тебя, за мою дочку, которую я оставил, и за Луизу.

– Да, и поэтому ты отодвинул меня от себя подальше. Понимаешь, для меня важно, чтобы ты делил со мной не только радость, но и горе!

– Я обеспокоен тем, что мой друг Гарри не отвечает. Уже прошли все сроки...

– Но разве легко сюда добраться? Мы вместе – это самое главное. А когда выберемся отсюда, найдем наших детей и все будет хорошо, – отчаянно врала я, сама в это не веря. Мой сын и наша общая дочка будут в вечной опасности, я это знала, и возможно, нам придется скрываться всю жизнь...

Со своего места я видела над верхушками деревьев луну на ущербе, которую то и дело закрывали бегущие по небу и светившиеся прозрачной белизной облака. Внезапно тишину ночи пронзил жуткий вопль – нечто среднее между визгом и рычанием. В тот же момент из темноты возник индеец

с лицом и телом, раскрашенным в красный цвет. Он встал перед костром и застучал луком о стрелы, подняв их над головой.

Мгновенно рядом с ним на поляне появились другие индейцы, с такими же красными лицами.

Они запели. В приглушенной гармонии я различала каждый голос в отдельности, не понимая ни слова. Чем дольше они пели, тем большая, казалось, их охватывала ярость. В конце каждой песни индейцы издавали самые свирепые вопли, которые я когда-либо слышала. Мне стало казаться, что чем громче они вопят, тем больше разгорается их ярость.

Внезапно они смолкли. Неверный свет костра подчеркивал гневное выражение их застывших, похожих на маски лиц и лихорадочный огонь в глазах.

Держа оружие высоко над головами, воины сломали строй, собрались в тесный кружок и стали что-то выкрикивать, сначала тихо, затем такими пронзительными голосами, что и у меня мороз побежал по коже. Затем они снова смолкли, и Джеймс шепнул мне на ухо, что мужчины вслушиваются в эхо своих криков, чтобы определить, с какой стороны оно вернулось. Эти отголоски, пояснил он, приносят с собой духов врага.

– Они что, собрались воевать? – спросила я удивленно у Джеймса.

– Похоже на то, – неуверенно протянул Джеймс и побледнел.

Завывая и стуча оружием, мужчины пустились вскачь по поляне, и еще пару раз они собирались в тесный кружок и орали во всю мощь. Потом все успокоились и разошлись по хижинам.

– И это все?! – удивилась я.

– Завтра, на рассвете, они нападут на соседнее племя, и, честно говоря, мне это очень не нравится. Если они проиграют, то тебя и Луизу заберут в плен.

– А тебя? – и тут до меня дошел смысл его слов: Джеймса могут убить! Индейцы не берут в плен мужчин!

– Я слышал, что убили их воина, они за него будут мстить.

– Господи, Джеймс, меня совсем не устраивает перспектива остаться с Луизой на всю жизнь в джунглях в рабстве.

В эту ночь я спала очень тревожно. Луиза, чувствовавшая меня, тоже несколько раз просыпалась и плакала.

– Это была наша первая ссора с Джеймсом! Теперь я знаю, как важно не накапливать обиду, лучше открыто поведать о своих чувствах. Ведь так, Грея?

– Не всегда это идет на пользу. Джеймс не стал реагировать на твои обвинения, а другой человек мог себя повести по-другому.

– Так что же делать в этом случае?

– Рассказывай о своих чувствах другому без обвинений.

– А если он ведет себя плохо?

– Каждый человек за свои поступки отвечает сам. Он может сам прожить свои уроки.

– А если его уроки больно ранят меня?

– Улучшайся. Не было бы жертвы, не возник бы урок.

– Я поняла, Грея, все это произошло, потому что я критиковала себя?

– Именно так и подпитывается закон жертвы.

– Насчет критики себя я поняла, очень важно себя полюбить. Я больше не верю в то, что я неспособная, страшная, глупая...

– Это хорошо, Ил. Если твоя жизнь тебе не нравится, то поменяй свои мысли. Жизнь всегда показывает нам то, во что мы верим. И получаем мы то, что отдаем. Точка силы всегда в настоящем. Ты есть сила! И никто не имеет над тобой власти.

– Так непросто контролировать свои мысли!

– Да, знаю, начни с контроля своих слов, слова показывают твои мысли.

6. Спасение

Судьба как будто хранила нас. Утром, едва рассвело, над шабано завис вертолет. Женщины все выскочили из своих хижин, мужчин в шабано не было, они ушли на войну.

Вскоре было найдено место для посадки, и из вертолета на землю выпрыгнул черноволосый мужчина. Эти волосы и сильные черты лица подчеркивали бездонную голубизну умных глаз. Высокого роста, худощавый, мускулистый, он производил впечатление человека, много времени уделявшего своему здоровью.

Джеймс расплылся в улыбке и пошел ему навстречу. Друзья обнялись.

– Гарри, ты даже не представляешь себе, как ты вовремя нас нашел!

– Это было непросто!

– Знакомься, это моя жена Элизабет, дочка Луиза и Кадербхай – наш друг.

– Очень приятно! Джеймс, я не ожидал от тебя такой прыти: я думал, что ты больше никогда не женишься. Но, друзья, я могу взять только двоих, тебя, Джеймс и твою жену с ребенком.

– Я без Кадербхая не полечу, – решительно заявила я.

– Гарри, я возьму жену на руки, а ребенка будет держать Кадербхай.

– Ладно, – махнул рукой Гарри, – собирайтесь быстрее и залезайте в машину.

– Куда мы полетим?

– В Лиму.

Не прошло и десяти минут, как мы были готовы и сели в вертолет. Он резко взлетел вверх и взял курс на столицу Перу.

– Грея, скажи, это нам помогли высшие силы?

– Ты даже не представляешь себе, сколько помощников у каждого человека! Вы никогда не бываете брошены. Если бы ты знала, насколько безопасна ваша жизнь! В ней нет случайностей, только законы. Во Вселенной нет хаоса.

– Значит, и бояться ничего не стоит?

– Страх – это недоверие тому миру, в котором ты живешь. Когда люди боятся, они рисуют в голове страшные картины того, что может произойти. Эти картины они питают своими чувствами, потом удивляются, почему происходит то, чего они боялись. Одна из причин страха – привязки к людям и земным вещам. Надо понять, что на Земле тебе ничего не принадлежит. Все, что имеет человек, он рано или поздно потеряет.

– Но если мне ничего не принадлежит, тогда и терять нечего?

– Вот именно! Через страх люди программируют свое будущее – дают согласие на несчастье! Надо понимать, что смерти не существует, это просто переход в другое измере-

ние, более прекрасное, и этот переход неизбежен для каждого человека. А если он неизбежен, то зачем его бояться?

7. Новая жизнь

Охранник отеля низко поклонился и широко распахнул перед нами двери. Войдя внутрь, я замерла на месте. Внутреннее убранство отеля ошеломило своей роскошью. Холл был выложен мрамором, а стены отделаны старинными гобеленами, инкрустированными окрашенным деревом. С потолка свисали крупные хрустальные люстры, в разных местах стояли мраморные столы с позолоченными ножками и уютные мягкие кресла. Справа я заметила два старинных встроенных книжных шкафа, наполненных книгами с позолоченными корешками. Этот холл мог бы вместить сразу восемьдесят гостей. Мы, одетые в грязную, заношенную одежду, среди этой роскоши выглядели очень глупо. Все люди, находившиеся в холле, обратили на нас внимание. Я видела, как нахмурился Джеймс. Мне самой хотелось убежать отсюда.

Гарри взял ключ от номера и быстро провел нас к лифту. Номер на третьем этаже был шикарен, он состоял из двух больших комнат: спальни и гостиной с круглым мраморным столом и шестью резными стульями вокруг.

– Джеймс, извини, но я снял только один номер.

– Ничего, разместимся. Гарри, ты бы нашел что-нибудь подешевле... нам совсем не надо привлекать к себе внимание.

– Прости, я тут в командировке, поэтому отель оплачивает правительство, у нас здесь огромные скидки. Я знаю, что вы совсем не походите на постояльцев этого отеля, но это поправимо. Джеймс, я сейчас дам тебе свою одежду, мы с тобой сходим в город и купим все необходимое для остальных, и вы перестанете привлекать внимание.

Когда мужчины ушли, я, оставив Луизу с Кадербхаем, с наслаждением опустилась в ванну, до краев наполненную горячей водой с пеной. Впервые за много месяцев я наконец помою голову дорогим шампунем и горячей водой, впервые я посмотрю на себя в зеркало. Неужели все позади? И я больше никогда не увижу джунгли? По крайней мере, добровольно я никогда не захочу вернуться туда.

Через некоторое время, накинув на себя махровый халат, я вышла из ванной, и мое место занял Кадербхай.

Часа через два вернулись Джеймс и Гарри с огромными пакетами. Я с наслаждением мерила платья, кофточки и юбки. Мне купили даже нижнее белье, и я с удивлением заметила, что они точно угадали мой размер. Когда суэта с примерками была закончена, мы все собрались за столом, заставленным всевозможными блюдами из местного ресторана. Мужчины потягивали виски, а мне налили стакан красного вина, к которому я даже не притронулась: я кормила Луизу грудью.

Гарри сказал:

– Я связался с Виссудхи, как вы просили. И он ждет тебя,

Кадербхай, в Дели. Сейчас самое главное для всех вас – покинуть Южную Америку. Джеймс и Кадербхай, вы поплывете на судне в Австралию. А оттуда уже полетите на самолете – Кадербхай в Дели, а ты, Джеймс, в Америку.

Я спросила у Джеймса:

– Джеймс, зачем вы поплывете на корабле? Это же так долго!

Гарри ответил за него:

– Это самый безопасный путь. А вы, Элизабет, будете ждать здесь, пока мужчины не доберутся до места. Вам нельзя путешествовать вместе. Насколько я знаю, тщательно проверяют всех мужчин и женщин с ребенком, путешествующих вместе.

– И сколько времени это займет? – спросила я в тревоге.

– Месяца два, как минимум.

– Я буду жить в этом отеле?

– Я сниму вам небольшой домик возле католической церкви. У меня приятель работает пастором в церкви. Там, возле церкви, часто живут паломники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.